

ДЕМИЧЕВ Илья Валерьевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института стратегического исследования Республики Башкортостан (450008, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Кирова, 15; demicheviv@isi-rb.ru)

ЭКОСИСТЕМА СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ И ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЕМЬИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО ПЕРЕХОДА

Аннотация. В статье на примере института семьи и системы оказания социальных услуг рассматривается вариант социальной политики в контексте Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Автор анализирует комплекс субъективных и объективных факторов, влияющих на устойчивость семьи, роль семейного и супружеского досуга. Исходя из активной тенденции социализации семейных функций и специфики поведения современной семьи, автор формулирует концептуальные рамки социальной политики, направленной на формирование территориальных экосистем социальных услуг, построенных на базе нового понимания социального объекта, цифровой платформы-агрегатора и совокупности частных и государственно-муниципальных поставщиков услуг.

Ключевые слова: традиционные ценности, современная семья, социальные услуги, социальная политика, социальная экосистема

Утвержденные 9 ноября 2022 г. Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей¹ постулируют в качестве таковых, в частности, семью, гражданственность и патриотизм¹. В связи с этим стоит отметить два важных момента:

- ценности формируются, закрепляются и реализуются в ходе массовых социальных взаимодействий в поведении общества;
- цифровой переход, формирование «информационного общества» в значительной степени меняют массовое поведение и структуры социальных отношений.

Иными словами, ценности – функция от социальных практик и их структур. Соответствие этим практикам декларируемых ценностей, фиксируемых как культурно-идеологические ориентиры, будет обеспечивать эффективность государственной политики, а несоответствие, наоборот, вызовет прямо противоположную реакцию и отношение. В этом смысле институты семьи, гражданственности и патриотизм оказываются достаточно жестко связанными. Семья как малая социальная группа является одной из основных сред жизнедеятельности людей; гражданственность как ценностно окрашенное активное участие в социальных (частью которых являются политические) процессах, предполагает культуру выражения, реализации и согласования с другими субъектами собственных потребностей и интересов; патриотизм, очевидно, выступает интегральной оценкой социального окружения и функцией от семьи и гражданственности. Более того, если складывается универсальный образ жизни граждан, то вне зависимости от их этнической, конфессиональной и иной принадлежности у них будут формироваться универсальные же ценности, тем

¹ Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Доступ: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (проверено 17.11.2022).

более значимые, чем более полно обеспечены их потребности и более плотно они вовлечены в процессы на его основе.

Соответственно, социальная политика государства в таком контексте должна быть нацелена на формирование таких отношений, которые способствуют декларируемым ценностям, причем в контексте реальных складывающихся практик граждан, предполагая их активное вовлечение в ее реализацию при достаточно выраженной роли государства. Рассмотрим вариант такой социальной политики в отношении семьи и ее социального окружения.

Основанием для образования семьи выступает наличие комплекса субъективных оценок, укладываемых в формулу: «гармоничный союз любящих друг друга людей» безотносительно к объективным факторам [Лактюхина, Антонов 2016]. Формально это как раз и отражает ценностный характер семьи – она складывается по ценностным основаниям. Однако это фактически означает, что ее существование определяется взаимными субъективными оценками супругов. Если они по тем или иным причинам оказываются рассогласованными, семья распадается, о чем и свидетельствует статистика. Конечно, причина их рассогласования, по крайней мере, выражается в рассогласованности семейных практик: несправедливость разделения обязанностей в семье, дисбаланс удовлетворения потребностей супругов, рассогласование норм поведения супругов и т.п. [Чумаченко 2016] и в целом сопряжена с комплексом противоречий (противопоставление семьи и личных ценностей, самореализации и карьеры; собственных ценностных установок супругов по отношению друг к другу).

Можно выделить три типа значимых для семьи отношений: а) связанные с работой и досугом супругов за пределами семьи; б) связанные с семейными обязанностями (домашнее хозяйство, уход за детьми и т.п., связанные с ролями «отец» и «мать»); в) связанные с непосредственными отношениями супругов (совместный досуг) [Караханова, Большакова 2018]. Логично оценить их значимость через выделяемый бюджет времени [Короленко 2021], отметив общую зависимость: чем больше времени члены семьи проводят за ее пределами (работа, индивидуальный досуг), тем меньше остается времени на реализацию семейных отношений; чем больше времени тратится на семейные обязанности, тем меньше его на супружеский досуг, а именно последний определяет, в конечном счете, интегральные положительные оценки супругами своей семьи и друг друга. Затраты времени на отношения могут быть скомпенсированы затратами материальных и моральных ресурсов (и наоборот), однако, во-первых, не в полной мере, а во-вторых, расширение материальных ресурсов семьи при прочих равных условиях связано с увеличением доли работы; использование моральных ресурсов при прочих равных условиях снижает интегральную оценку семьи и семейных отношений. В этом ключе необходимо подчеркнуть принципиальную важность досуга членов семьи и семьи в целом: именно он непосредственно воспроизводит моральный ресурс, а значит, чем меньше досуга, тем меньше морального ресурса, чем меньше семейного досуга, тем меньше морального ресурса связано с семьей [Иванова, Горбачева 2019].

Перераспределение ресурсов на структуры отношений и ситуации решается за счет социальной инфраструктуры [Ивашкина 2016] – совокупности организаций различного характера, предоставляющих услуги выполнения функций семьи – от хозяйственных до функций воспитания и организации досуга. Логика их работы понятна: чем больше функций передано социальным организациям, тем меньше затраты собственно членов семьи, благодаря чему ока-

зывается возможным поддерживать хотя бы часть структуры семейных отношений [Сизова, Коренькова 2020]. Такой подход подкрепляется соображениями профессионального исполнения функций специалистами и соблюдением регламентов оказания услуг, что значительно повышает качество последних. Однако это порождает другую проблему: чем больше функций семьи социализировано, тем меньше функциональное наполнение семьи и тем слабее семейные отношения, поскольку снижается взаимная потребность супругов друг в друге. Исходя из этого, помимо расширения социальной инфраструктуры, необходима определенная ее переориентация: это не только сокращение издержек семьи, но среда, построенная вокруг ценностей семьи и обеспечивающая их, в частности, формирующая социокультурное пространство для совместного супружеского досуга. Наконец, еще одним условием выступает не увеличение временных и материальных затрат семьи на использование социальной инфраструктуры [Леонидова 2019]: например, если стоимость и время на сопровождение ребенка в учреждение дополнительного образования будут выше, чем совокупные издержки семьи при домашнем образовании, очевидно, смысла использовать этот элемент инфраструктуры не будет.

Целесообразно в этом отношении продолжить и развивать уже существующие практики, представляемые, например, связкой «портал госуслуг и сеть МФЦ» [Круг, Федюкова, Карецкая 2022], существенным образом не только экономящие время граждан, но и снимающие с них нагрузку, связанную с документооборотом. Еще одним ключевым элементом может выступать такой инструмент, как «социальная карта», а точнее, складывающаяся инфраструктура (транспорт, услуги частные, образовательные, государственные и муниципальные, скидки, льготы и т.п.), точкой доступа к которой выступает карта [Димиржиева 2018]. Наконец, третьим элементом в данном случае должен стать принцип шаговой доступности социальной инфраструктуры, который на практике реализован (в большей или меньшей степени) практически для всех базовых услуг (образование, медицинское обслуживание, сеть молодежных и подростковых муниципальных клубов и т.п.), но в меньшей степени – для услуг вариативных. Последнее также представляет собой понятный эффект финансовых ограничений и общей ситуации неопределенности, когда потенциальные пользователи не знают не только о поставщиках услуг, но и о самой возможности их получения, а поставщики по разным причинам не могут корректно оценить число пользователей и их потребности, в то время как затраты на создание и поддержание функционирующего объекта оказываются достаточно существенными. Хорошим подспорьем здесь выступает институт социального предпринимательства и гранты на различные социальные НКО [Иванова, Бородкина 2020].

И наконец, субъективно значимые для жителей потребности и интересы, неопределенные и ситуативные условия их возникновения и малые группы их носителей, а также обозначенная выше стратегия, направленная на создание среды, обеспечивающей ценностно значимые супружеские отношения, заставляют по-новому рассмотреть подход к социальному обслуживанию населения территории, а также сам концепт социального объекта и интерфейса отношений между поставщиками и потребителями услуг. Во-первых, отмеченные выше примеры портала госуслуг, МФЦ и социальных карт уже представляют собой организационную основу для широко представленной в частном бизнесе практики предоставления пакета услуг, т.е. организации доступа к комплексу услуг поставщика (не обязательно данного, но и его партнеров). Территория для своих жителей гарантированно предоставляет определенный

спектр базовых и специальных услуг, а также дает возможность удовлетворения потребностей по заявке на некоторых условиях. Специальные и вариативные услуги как раз и обеспечиваются частными коммерческими и некоммерческими поставщиками.

Во-вторых, шаговая доступность, вариативность субъективно значимых потребностей и интересов диктует формулу социального объекта или объекта социальной инфраструктуры как пространства для оказания услуг, которое подстраивается под конкретные запросы, мероприятия и т.п. Это в значительной степени также реализовано не только в частном бизнесе (например, торгово-развлекательные комплексы), но и отчасти в муниципальных организациях (детские сады, школы и сеть муниципальных клубов как площадки для оказания дополнительных образовательных, развлекательных и досуговых услуг). В этом смысле необходимо отразить складывающиеся практики и стандартизировать их, тем более, что как раз образовательная инфраструктура, и прежде всего школы, в действительности обладают всеми необходимыми качествами (фокус территории, интерес зрелых семей с детьми, интерес детей и молодежи, шаговая доступность, готовые площадки и т.д.).

В-третьих, снятие неопределенности отношений между поставщиками и потребителями услуг (как в виде маркетинга и заявок на услуги, так и в смысле обязательной обратной связи), вариативность потребностей и малочисленность их носителей, а также необходимость продвижения пакета услуг, эксклюзивных предложений и т.п. вкуче с уже сложившимися практиками использования цифровых коммуникаций и предложений предполагает необходимость создания цифрового агрегатора, соединяющего между собой социальные объекты как площадки предоставления услуг, социальные организации как поставщиков услуг и жителей как потребителей и заказчиков услуг (в т.ч. путем самоорганизации, т.е. возможность самостоятельно организовывать события, мероприятия и предоставлять услуги). Опять же организационные основы, цифровые решения и практики для этого уже есть, и необходимо, по сути, их развить.

В-четвертых, за счет агрегатора и организованной на его площадке коммуникативного пространства территории резко повышается информационная связность сообщества. В самом деле, обработка данных агрегатора – число пользователей, события, визуализация, запросы и т.п., – информация с высокой степенью детализации и актуальности формируют социокультурный портрет жителей, определяют спектр их проблем, интересов и т.д. В этой среде повышается эффективность событийного управления и управления социальными процессами, поскольку повышается охват, адресность и вовлеченность пользователей. Последнее, в свою очередь, позволяет также вести собственно осмысленную семейную и социальную политику – от пропаганды соответствующих ценностей до рекламы поставщиков услуг и формирования событийной повестки.

В заключение необходимо отметить, что стоит концептуально пересмотреть не только конкретные структуры социального (государственного, муниципального и частного) обслуживания населения, но и саму цель социальной политики на территории. Необходимо переориентировать ее с поддержки уязвимых групп населения, осуществляемой государственно-муниципальными органами и связанными с ними АНО-НКО, на создание среды, которая поддерживает и обеспечивает основную активную часть населения – семьи с детьми. При этом поддержка такого рода не только должна давать значимый социальный эффект за счет повышения привлекательности и комфорта

жизнедеятельности этой части населения на данной территории (снижение склонности к отъезду с территории и повышение склонности к переезду на нее); это скорее следствие. Главное, что такой подход одновременно создает широкую нишу для развития социального предпринимательства и частных услуг, стимулирует активность и солидарность самих жителей, ценность места жительства в их глазах (чем больше ценностно значимых потребностей удовлетворено здесь, тем выше ценность места и выше вовлеченность в отношения и процессы сообщества), а также стимулирует общую креативность жителей (событийная повестка, обеспечение вариативных интересов, стимулирование собственной социальной самореализации) [Попов, Кац, Веретенникова 2016].

Инструментом такой социальной политики как раз и выступает предлагаемая социальная экосистема территории, организационной основой которой выступает объединение государственных, муниципальных и частных поставщиков услуг, размещенное на площадках социальных объектов, ядром потребительской ценности — предлагаемый пакет услуг и его вариативность, а пользовательской оболочкой, интерфейсом — цифровая площадка и сервисы. Необходимо подчеркнуть, что такая экосистема, помимо решения чисто социальных задач, сама по себе дает целый спектр эффектов — от повышения привлекательности территории до стимулирования деловой и гражданской активности. Частным, но от этого не менее значимым следствием здесь выступает универсализация образа жизни территории, в который интегрируются жители вне зависимости от их этнической, конфессиональной и иной принадлежности, причем находя обеспечение, выражение и удовлетворение своих специфических потребностей.

Статья публикуется при поддержке Школы молодого этнополитолога (грант Фонда президентских грантов 22-2-003352).

Список литературы

Димиржиева Г.В. 2018. Социальная карта как финансово-социальный инструмент повышения эффективности и адресности предоставления мер социальной поддержки. — *Региональная экономика и управление: электронный научный журнал*. № 3(55). С. 1-8.

Иванова М.М., Бородкина О.И. 2020. Развитие экосистемы социального предпринимательства в Северо-Западном регионе России. — *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. Вып. 4. С. 622-636.

Иванова Т.Н., Горбачева Н.Б. 2019. Современная семья о культурно-досуговой среде города. — *АНИ: педагогика и психология*. Т. 8. № 1(26). С. 133-136.

Ивашкина Ю.Ю. 2016. Структура и субъекты системы социального обслуживания семей с детьми. — *Проблемы развития территории*. Вып. 3(83). С. 100-118.

Караханова Т.М., Большакова О.А. 2018. Бытовая деятельность в домохозяйстве: необходимый и востребованный неоплачиваемый труд городских рабочих. — *Вестник Института социологии*. Т. 9. № 2. С. 100-129.

Короленко А.В. 2021. Временной ресурс современной семьи: опыт изучения на примере Вологодской области. — *Экономика. Социология. Право*. № 4(24). С. 107-118.

Круг Э.А., Федюкова Н.В., Карецкая О.А. 2022. Оценка качества государственных услуг в условиях цифровизации (на примере портала государственных услуг). — *МНИЖ*. № 6-5(120). С. 130-132.

Лактюхина Е.Г., Антонов Г.В. 2016. Причины развода в современной России. — *Народонаселение*. № 4. С. 57-67.

Леонидова Е.Г. 2019. Проблемы формирования и использования доходов населения: региональный аспект. — *Научный вестник ЮИМ*. № 2. С. 68-71.

Попов Е.В., Кац И.С., Веретенникова А.Ю. 2016. Доступность социальной инфраструктуры городских территорий. — *Региональная экономика: теория и практика*. № 2(425). С. 54-67.

Сизова И.Л., Коренькова М.М. 2020. Новые потребительские практики современных городских семей в сфере ухода за детьми и их развития. — *Вестник Института социологии*. Т. 11. № 2. С. 174-193.

Чумаченко Л.А. 2016. Факторы, влияющие на конфликтные отношения в молодых семьях. — *Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения*. № 54. С. 31-37.

DEMICHEV Ilya Valer'evich, Cand.Sci. (Philos.), Senior Researcher at the Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan (15 Kirova St, Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia, 450008; demicheviv@isi-rb.ru)

THE ECOSYSTEM OF SOCIAL SERVICES AND THE LIFE OF THE FAMILY IN THE DIGITAL TRANSITION CONTEXT

Abstract. Using the example of the institution of the family and the system of social services, the article considers a variant of social policy in the context of The Foundations of State Policy for the Preservation and Strengthening Traditional Russian Spiritual and Moral Values. The author analyzes the complex of subjective and objective factors affecting the stability of the family, the role of family and marital leisure. Based on the active trend of socialization of family functions and the specifics of the behavior of the modern family, the author formulates a conceptual framework of social policy. He shows that its aim is formation of territorial ecosystems of social services built on the base of a new understanding of a social object, a digital aggregator platform and a set of private and public-municipal service providers.

Keywords: traditional values, modern family, social services, social policy, social ecosystem